

Петр Мохирев
По велению души

Петр Федорович Мохирев

По велению души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21547928

ISBN 9785448322457

Аннотация

Это повествование о тех людях, которые сильно верили в Бога и уходили от притеснения властей и коллективизации из центральной части России в Восточную Сибирь. Вера их была так крепка, что многие умирали в дороге от голода и лишений, но они шли, шли...

Содержание

1. На всё воля Божья	5
2. На Подбеле	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

По велению души
Петр Федорович Мохирев

© Петр Федорович Мохирев, 2016

ISBN 978-5-4483-2245-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. На всё воля Божья

Тревожно шумели деревья. Они стояли ещё мёрзлые, не проснувшиеся от сильных трескучих морозов, с громадными комьями снега на ветках. Некоторые комья, с приходом первых оттепелей и южных весенних ветров не смогли удержаться и упали сразу, оставив на поверхности снега округлые ямы, другие же держались довольно крепко, пока яркие, тёплые солнечные лучи не начнут их подогревать с южной стороны и тогда они также не выдержат и свалятся на лежащий на земле снег, заставив освободившиеся ветви подпрыгнуть и ещё потом долго раскачиваться. Стояла середина марта, утром обычно хорошо подмораживало, к середине дня резко теплело, и начинал дуть ветер, в ответ на это деревья начинали шуметь и сбрасывать с себя накопившиеся за длинную зиму запасы снега. Иногда ветер дул со снегом и всё вокруг белело, натопанная лыжница впереди едва виднелась, петляя среди толстых елей и пихт. Лесная дорога была обыкновенной натопанной за зиму лыжницей, здесь ходили охотники и местные жители от станка к станку по каким-то своим, так необходимым им делам. Тропинка была твёрдой, вот некоторые путники и ходили по ней прямо без лыж. Бровки по краям были довольно высокие, снега за длинную зиму напало много, поэтому если кто-то вдруг нечаянно наступал мимо тропинки, то проваливался по по-

яс и потом долго барахтался в снегу, не находя на что опереться.

По лесной зимней дороге шла семья из семи человек. Первыми, с гружёной нартой тащились двое пацанов – Ванька и Юрка. Ванька был старшим, ему недавно исполнилось четырнадцать лет, при разговорах голос его уже не звенел мальчишеским фальцетом, а чем-то напоминал мужской, поэтому он всю дорогу старался командовать своим младшим братом – куда ему лучше встать, как толкать, или тянуть лямку, иногда даже не выдерживал и давал Юрке подзатыльник. Ванька был длинноногим худым подростком, с несколько вытянутым лицом, с острым подбородком и длинной шеей. Когда не стало отца, на него свалилась вся деревенская работа по хозяйству – таскал воду, заготовливал дрова, топил печку, копался в огороде, следил за младшими сёстрами и братьями. Мать и старшие сёстры постоянно были заняты в колхозе. Между делом Ванька научился у своего дядьки обращаться со столярным инструментом и как говорили, получалось это у него довольно не плохо. Одет он был во всё отцовское – на голове потрёпанная шапка-ушанка, на себе стежёная ватная фуфайка, на ногах пропитанные дёгтем бродни. Вся одежда была ему ещё довольно великовата, да ничего другого не было в их скромном хозяйстве. Юрка был младше на два года, значительно ниже ростом, худенький, но подвижный и живой, с большими голубыми глазами, возле которых проглядывали реденькие веснушки. Верхняя одежда

у него была вся сшита материнскими руками ещё на Ваньку и доставшаяся ему по наследству, на ногах старенькие, подшитые снизу и загнутые сверху катанки.

Ванька тащил нарту впереди, накинув петлю, завязанную на конце верёвки, через голову на грудь. Юрка толкал сзади, когда же тропинка шла под уклон, он раскатывал нарту и, прыгая на задники, кричал Ваньке – «Берегись, ноги оттопчу!». Ванька переходил на бег, неуклюже семеня большими броднями и, оглядываясь на ходу, показывал Юрке кулак и кричал в ответ – «Погоди у меня, заработаешь, кошка скребёт на свой хребёт!». За ними семенила семилетняя Ирка, голова и шея у неё были завязаны так, что концы старенькой материнной шали сходились где-то на пояснице, что делало её несколько неуклюжей.

На ногах у неё были надеты самокатанные, ещё сделанные отцом валенки, они были ей несколько велики и чтобы ноги в них не болтались, туда были подложены стельки из сена, а на ноги намотаны портянки. Иногда валенки подводили девочку, особенно когда тропинка спускалась под уклон и где она была лыжами накатана почти что до льда, и тогда Ирка поскальзывалась и падала. После этого она начинала хныкать, барахтаться, подниматься, иногда при этом снова поскальзывалась и падала, пока шедшая сзади Евдокия не подхватывала её за шиворот одной рукой и не ставила обратно на тропинку. Евдокия здесь была самой старшей из детей, ей было уже пятнадцать. Тащиться с грузеными

нартами тяжело и жарко, она постоянно расстёгивала пуговицы своей фуфайки, но платок с головы снимать боялась, можно и простыть, вон Сашка кашляет всюду, весь день едет в санках, это идти по дороге, да ещё с такой нагрузкой, конечно жарко будет, а он весь день сидит, вот и простыл видать мальчишка. Ему всего три года, но он ещё совсем не ходит, вернее в год уже начинал ходить не много, но военные и послевоенные годы были в деревне голодными, жили в основном на одной картошке, да и той частенько не хватало, и Сашка так и не научился передвигаться на собственных ногах, силы в них не доставало. Сашку тянула на лёгких самодельных санках мать, она привязала верёвку санок к себе за пояс, сама же толкала сзади нарту, помогая Евдокии. Чтобы было удобнее, она вырубилась крепкую сухую палку и, упиравшись ею в задок саней, наваливалась всем своим телом, напрягала жилы и толкала, приговаривая.

– Господи, Иисусе Христе сыне Божий, помилуй нас грешных и спаси наши души. Пресвятая Богородица, приведи нас к тому, чтобы мы преодолели эту таёжную дорогу, чтобы не сгнули мы в этом дремучем и страшном лесу, ведь идём мы на север для того, чтобы быть подальше от мирской греховодной жизни, души спасать.

Феврусье, матери такого большого семейства, женщине худенькой, среднего роста, подвижной и энергичной, было сорок лет отроду и она сама себе наверно толком не могла объяснить, как же она решилась с малыми детьми на такой

опасный и далёкий переход в северный край, бросив родной дом. Прошло уже почти два года, как закончилась война, и в родной деревне Сушняки ей никак не хотелось оставаться – постоянный голод, нужда, о Боге совсем все забывать стали, в доме всё напоминало о муже, который погиб на фронте в последние дни войны. А там, на севере, в далёкой лесной деревне Подбель, жила родная старшая сестра, Сальникова Агафья Александровна, она была женщиной верующей и очень набожной и, как только было с кем, в очередной раз отправляла весточку Феврусье, «колхоз – это большой грех, не отмолишься потом, беги оттуда вместе с детьми подальше от греха, спасай души, свою и своих детей, пока не поздно».

Нарты иногда скатывались повдоль тропинки к высокой обочине, бортом цепляли снег и упирались, приходилось снова напрягать силы, чтобы вытащить их обратно. В нартах, закутанная в старенькое бязевое одеяло поверх одежды, сидела на мешках ещё одна девочка – пятилетняя Машка, её иногда вытаскивали из нарт и пускали бежать вслед за Иркочкой, чтобы погреться, но Машка быстро уставала, начинала хныкать, и её сажали обратно в нарты. С утра, по подмороженному снегу нарты бойко катились и поскрипывали, к обеду становилось теплее и нарты катились по дороге тихо, если тропинка шла на подъём, всем приходилось упираться, если же вниз под склон, можно и расслабиться, выпрямить спины. В основном же местность шла ровная. Молча делая

своё дело, Феврусья вспоминала всю свою жизнь, она и не напрягалась вспоминать, не морщила лоб, картины из прожитой за сорок лет жизни сами возникали перед глазами, то из детской, то из взрослой. Вспоминалось и хорошее, и плохое, наверное потому, что загружены были лишь мышцы тела, а мозг был свободен.

Феврусья родилась в семье зажиточного купца второй гильдии Александра Ивановича Кобелева в 1907 году, в деревне Малая Уса, что не Урале, в Пермской губернии. Отец весьма успешно торговал мануфактурой и даже сумел сохранить кой – какие остатки былой роскоши после страшных разрушений опустошительной революции и гражданской войны. Замуж она вышла в пятнадцать лет, за очень бедного деревенского парня – Харлампия. Тот был высоким, симпатичным и уж очень весёлым. Бывало на вечёрках, что спеть, что сплясать, что прибаутку какую рассказать, везде Харлампий первый. Отец любил Феврусью и никак её не хотел отпускать за Харлампия.

– Дочка, да посмотри какой он бедный, ведь ничего за душой у него нету, как жить-то будете, чем семью кормить? Не пушу за этого босяка. Его семья за всю свою жизнь и пшеничного хлеба то поди не едала.

Феврусья расплакалась.

– Тятя, да он самый лучший, самый хороший в деревне, а не отпустите, так с мирянином Митькой убегу из дому.

Семья Александра Ивановича крепко держалась право-

славной веры и в мирскую семью отпускать дочь, значило бы совсем погубить её душу, да и не мог долго противиться отец желанию любимой дочери, тем более в таком важном для неё вопросе, как замужество, так и вышла Феврусья за Харлампия. Невесту к жениху везли на разнаряженной тройке, что было в те времена в деревне большой редкостью, а на свадьбе бабки, глядя на невесту, шептались между собой – «какая же она молоденькая, да бастенькая». Жили бедно, едва сводя концы с концами, в деревне Аманиева, Елововского района, Харлампий больше работал в наёмниках – выделывал кожи, ухаживал за скотиной, заготавливал дрова и сено, хорошо обращался с топором – деревенскую работу он всю умел делать, по жизни он оказался не только весёлым, но и несколько беспечным, любил и за юбками бегать. Феврусья занималась домашним хозяйством, да рожала и воспитывала детей.

А тут началась коллективизация, власти стали организовывать колхозы, с рёвом, с бабьими слезами всех деревенских гнали в колхоз. Не соглашающихся идти добровольно, загоняли силой, кто убегал – ловили и снова возвращали в колхоз. Старики сразу сказали, что грех это большой в колхоз идти, от Сатаны это всё. И Харлампий с Феврусьей, с маленькой, полуторагодовалой дочкой Феней, в 1927 году ушли далеко-далеко в тайгу, в Томскую область, в деревню Кондратовку, что стояла на речке Еловой, очень уж рыбная была та речка, как поедут вечером богатые мужики, так по десятку крупных щук на брата везут. Вроде и речка спокойная,

не быстрая, но сильно уж разливалась она в половодье, тогда с деревни никуда нельзя было выйти, только на лодке, бывало, что и деревню подтапливало, тогда всеми семьями на чердаках, да на плотах отсиживались вместе со скотиной. Деревня стояла далеко в тайге, и на сто вёрст в округе не было ни одной живой души человеческой, да и какая это была деревня, всего-то четыре дома, зато семьи были большие, многодетные. Жили здесь староверы, жили добротнo, зажиточно, у всех на дворах было по две-три коровы, у некоторых ещё и лошади, много косили сена, много саживали в огородах, даже хлеба растили на полях, и не было им ни какого дела до проблем с организацией колхозов. Но и тут осесть не пришлось. Узнали власти про лесной хутор, про зажиточных староверов и пришёл туда вооружённый отряд из восьми человек. Все в простенькой повседневной одежде, представились работягами какой-то там экспедиции и попросились переночевать. У русских тогда так принято было, не отказывать нуждающимся в кровле. Всё высмотрели, всё узнали переодевшиеся милиционеры, что им нужно было, и утром всех жителей повязали, никому не удалось уйти из деревни. Всех крестьян арестовали, раскулачили, имущество их описали, а самих в сопровождении охраны, вместе со всем конфискованным имуществом и скотиной, повезли в район. Не арестовали только семью Харлампия, не за что было, так как у них с Феврусей ничего не было за душой, Харлампий работал наёмным работником. Так и не стало таёжной дере-

веньки Кондратовка со свободолобивыми отшельниками – староверами, живущими своим трудом. Описанное имущество отправили затем из районного центра в сопровождении Харлампия в деревню Сушняки, его и поставили там председателем колхоза. Как бы далеко не убежали от колхоза, всё равно в нём оказались.

Из далёких воспоминаний Феврусью в реальную жизнь вернула Ирка, она стояла посреди тропинки и хныкала.

– Мама, у меня ноги устали, я отдохнуть хочу.

– Надо идти доченька, опять ведь за полночь придём.

– Мама, я есть хочу.

– Ладно, остановимся, отдохнём немножко.

Она крикнула впереди идущим парням, те остановились и все расселись на нарты передохнуть. Феврусья достала из мешка свёрток и раздала всем по варёной картошке и куску ржаного хлеба, вода в бутылке была очень холодной, поэтому пили по глотку. Снова хныкала Иринка.

– Мама, далеко ещё, у меня ноги сильно-сильно устали.

– Надо идти до избушки, до станка, здесь же не будем ночевать. – Ванька поднял голову и добавил.

– Ты нас Ирка только тормозишь, мы вот пока отдыхаем, ты бы вперёд бежала и бежала, всё равно ведь скоро догоним.

Шли уже шестой день. Ночевали, где придётся, то в охотничьей избушке, то в бане брошенной всеми деревни, то в деревушке, кто на ночлег пустит. Расстояние между станками было около тридцати километров, где-то конечно по-

больше, где-то поменьше. Хорошо, что тропинка была нака-тана лыжами и натоптана ногами, иначе бы семья не успевала проходить за день такие расстояния. Тропинка шла на север, точнее на северо-восток, всё по лесу, петляя между деревьями и обходя огромные, занесённые снегом валёжины и кусты, пригнувшиеся к земле под тяжестью осевшего на них снега. Иногда дорога пересекала ручьи, и нарты приходилось осторожно спускать, затем, напрягая все силы, вытаскивать на подъём. Когда направление дороги и ручья совпадало, она шла прямо по льду, занесённому снегом, вдоль крутых, заросших кустарником берегов. По льду было идти легче, не надо огибать деревья и кусты, не надо бояться пружинивших и больно бьющих веток кустов, вылетающих от впереди идущего ходока. Дорогу пересекало много следов, судя по ним, здесь в изобилии водились лиса, заяц, белка, соболь, горноста́й. Белку можно было даже увидеть, когда её вспугивали подошедшие вплотную люди, при этом она пугалась и, громко цокая, быстро взбегала по стволу дерева и молча смотрела на тех, кто её так неожиданно потревожил. Иногда вспугивали рябчиков, те частенько прятались от морозов в снегу и, услышав подходивших людей, шумно вылетали из снега и рассаживались вблизи на ветки деревьев. Ванька, шедший первым, хватал первые попавшиеся под руку сухие ветки, сучья и кидал ими в лесных птиц, чем пугал их ещё больше и те улетали и прятались так, что их больше уже и не было видно.

Не много отдохнув, Феврусья поднялась.

– Ребята вставайте, идти нам надо, идти похоже, ещё далеко, давайте с Богом.

И снова успокаивающее поскрипывание нарт наводило на воспоминания, которые, казалось были в такой далёкой, другой жизни.

Деревня Сушняки в Томской области была чуть побольше Кондратовки, здесь было уже полтора десятка домов и начальная школа, которую сделали из небольшой деревенской церквушки. Колхоз был бедный и люди жили бедно, однако растили зерновые, овощи, занимались животноводством. Харлампия как поставили председателем колхоза, он им так и оставался бессменно до ухода на войну. В семье у них каждые два года рождался ребёнок, только далеко не все выжили. Такое уж время было тогда, трудное, да голодное, трое детишек умерло маленькими, да ещё один утонул в деревенском пруду в шесть лет. Вода сильно притягивает маленьких детей, вот и катались они на самодельном плоту, пока тот не перевернулся. Все детишки успели выскочить на берег, а их сынок Евгений остался в воде, наверное упал как-то неудачно. Прибежали взрослые на крики пацанов, давай нырять в воду и вытащили того малыша, только вот вернуть к жизни уже не смогли. После этого плот сразу же распилили на дрова, да ведь сыночка-то уже не вернёшь. Восемь детей растёт у неё. Старшей дочери Фене двадцать один год, она в прошлом году вышла замуж, за высокого красивого пар-

ня Николая, пришедшего с войны старшиной. Он был старше Фени на пять лет и до войны уже был женат, но что-то не сложилось у них в той семейной жизни, зато с Феней вроде хорошо жить начали, дай-то Бог. Вторая дочь, девятнадцатилетняя Зина тоже осталась в Сушняках, она работала счетоводом в колхозе, зарабатывала трудовни и так договорилась с матерью, что приедет к ним летом, после того, как они устроятся на новом месте. Ох, и досталось же этим девочкам в годы войны, когда мужиков в колхозе не осталось. В свои пятнадцать – шестнадцать лет, им достался самый тяжёлый, повседневный деревенский труд. Приходилось и пахать, и сеять, и корма заготавливать, и быть главными грузчиками в колхозе. Мешки с зерном были все по семьдесят килограммов, это сколько же их пришлось им перетаскать. Бывало, придут вечером с работы, поедят, чем Бог послал, и залазят спать на палати, а уснуть не могут, всё стонут и стонут, животы-то надорваны от тяжестей. Вот и отпаивала их Феврусья травами – кровохлёбкой, да полынью, ведь им же ещё и матерями придётся когда-нибудь быть. Зину же последние годы на целые зимы отправляют вместе с лошадьёю от колхоза лес возить, в шестидесяти километрах от Сушняков лесопункт открылся, лес заготавливают, а чтобы вывезти его на берег Чулыма сгоняют людей с лошадьёю со всех колхозов. Весной потом, по большой воде, сплавляют заготовленную древесину в Асино, там уже сами лесозаготовители справляются.

Ну вот, а остальные шестеро сейчас все с ней и тащатся по заснеженной, холодной тайге. К Агафье Александровне по этой дороге, тоже в зимнее время, бегала в гости Феня несколько лет назад и прожила у тётки три дня, шла налегке, и дорога ей показалась не тяжёлой. Подбель – небольшая лесная деревня, в нескольких километрах от Енисея, там живут настоящие староверы, соблюдающие каноны истинного православия. Старики следят, чтобы все деревенские жили в трудах, молитвах и не допускают никаких вольностей, днём люди работают, ночью молятся, души спасают. Случайного люда там не бывает, так как по Енисею туда заехать очень тяжело, надо знать проезд по различным протокам через всевозможные мели и острова.

Передние нарты остановились. Ванька стоял на тропе и, глядя в лес, тряс над головой кулаком.

– Ну, я вам покажу, вот только выпрошу у дядьки Василия ружьё, я вас найду, вот тогда узнаете, как нам дорогу переходить, мы ещё повстречаемся!

Феврусья тяжело разогнулась, её воспоминания сразу ушли куда-то так же неожиданно, как и появились.

– Что там у вас?

– Да сохачи прошли через дорогу, целое стадо, и прошли-то совсем недавно, наверное сегодня утром.

– Так что ж теперь, прошли, да прошли, сохатые нам не помеха, нам дальше идти нужно. Тут снова захныкала Ирка.

– Мама, у меня ноги совсем не идут, мне на них наступать больно.

– Потерпи доченька моя, сегодня нам ещё дойти нужно до охотничьей избушки, там и переночуем, а завтра уже к вечеру мы должны прийти к дядьке Василию в Суханово, вот там и отдохнём пару дней, твои ножки тоже отдохнут, наберутся силы.

– Мама, они у меня уже сейчас идти не хотят.

За неделю пути ночевали не только в охотничьих избушках, прошли деревни Безводный и Соломенниково, благо, что люди не отказывали, если негде было ночевать, то устраивались в бане, подтапливали печку и укладывались, где придётся. Сердобольные бабки, глядя на голодную большую семью, идущую очевидно в поисках лучшей доли на этой грешной земле, ещё и совали горбушку хлеба в дорогу и тихонько крестили их в след. В нартах было всё, что осталось от их хозяйства. При уходе из колхоза, новый его председатель Гушин, сильно отговаривал Феврусью от поспешных решений.

– Ну куда ты уходишь, ведь шесть ртов у тебя, как их прокормишь, и чем? Ещё год, два и мы окрепнем, война-то только два года как закончилась, мужики домой возвращаются, сейчас по всей России хозяйства подниматься будут. Две девки старшие у тебя здесь работают, мужика твоего Харлампия мы никогда не забудем, оставайся, не дадим с голоду помереть, сама работать будешь, сыновья уже подрас-

тают, добрыми работниками станут, а ты их уводишь из колхоза. Сейчас главное до лета дотянуть, картошки мороженой вон ещё целая яма, бери хоть мешок, хоть два.

– Да поймите Вы, не могу я здесь больше оставаться. Здесь всё сделано его руками, абсолютно всё напоминает о нём, я так не могу больше, я дни и ночи плачу, всё его вспоминаю.

– Пойми Феврусья, не вернёшь его, похоронка пришла, живые свидетели есть, что ж теперь делать, не одна ты такая горемыка, тысячи женщин по всей стране потеряли своих мужей и остались вдовами, тяжело всем, не только тебе, кто выжил в этой войне, тому о жизни надо думать, детей поднимать, смирись с судьбой, тебе ради детей жить надо, вон младшему-то всего три года. А ты собралась с ними по тайге куда-то тащиться. Какая деревня там, где это, чем живут?

– Деревня Подбель, где-то недалеко от Енисея, рядом с посёлком Ворогово, я в тех местах и не бывала. А живут там своим трудом.

– Да не прожить тебе сейчас без колхоза своим трудом, едоков много, а рабочих рук слишком мало.

– На всё воля Божья.

Дал председатель с собой ячменя не много, да два мешка мороженой картошки. Больше и дать-то нечего было, уж сильно голодно было в Сушняках. Люди умирали целыми семьями и дома стояли с заколоченными окнами, как памятник тем суровым испытаниям, выпавшим на людей в военные и послевоенные годы.

Никак не могла Феврусья Александровна смириться с потерей мужа. Не верила, или не хотела верить, что он погиб, некоторые годами воевали и остались живы, а он только ушёл и сразу же погиб в первом бою. Она с молодых лет любила его, неугомонного весельчака. Никогда он не обременял себя заботами о богатстве, наверно оттого, что сам был из бедной семьи и богатства никогда не видел, любил идти по жизни весело и беззаботно. Любил с девками погулять, иногда и дома не ночевал, только Феврусья не обращала на это никакого внимания, некогда было, всё время уходило на ребятишек и домашние дела. Да и любила она его и тянулась к нему, может потому, что сама по жизни была очень скромной, стеснительной, тихой и незаметной.

При воспоминании о муже снова покатались слёзы из глаз, ладно хоть ребятишки не видят, все заняты своим делом, все идут и толкают нарты, а ей не привыкать молча глотать свои слёзы. Ведь как она его просила тогда и уговаривала.

– Не уходи Харлампей, у тебя же бронь есть, ты же семь лет здесь работаешь председателем колхоза, ты не молодой, тебе сорок один год уже, ну зачем тебе эта война?

– Так ведь все мужики на войне побывают, а я нет. Война-то вот-вот закончится, наши уже в Германию вошли, мужики, кто живые остались, придут домой, я как им в глаза смотреть буду, да и они меня тыловой крысой называть будут.

– А о нас ты подумал? Мы с тобой вдвоём еле-еле концы с концами сводим, чтобы ребятишек прокормить, а как же я одна с ними останусь?

– Да я же ведь ненадолго, посмотри, уже сорок пятый год начался, война заканчивается, мне бы только чуть-чуть успеть повоевать, а там и по домам можно. Все мужики скоро вернутся и оживёт тогда наш колхоз.

Так и не уговорила его Феврусья, ушёл Харлампий добровольцем. В военкомате посмотрели документы и, увидев штамп о прохождении в молодые годы начальной военной подготовки, тут же зачислили его в стрелковую роту и отправили на фронт. Когда в семью пришла похоронка, Феврусья подумала, что наверное произошла чудовищная ошибка, он же недавно только уехал, а война закончилась уже, штабисты что-то видать напутали и сделала запрос в воинскую часть по её номеру, указанному в похоронке. Через некоторое время пришло подтверждение, что в бою под Берлином геройски погиб рядовой Стариков Харлампий Савельевич и даже было указано место нахождения братской могилы, в которой он похоронен. Вот тут-то и поняла Феврусья, что потеряла она своего мужа навсегда и зашлась слезами, пришлось ей разделить долю тысяч солдатских вдов, разбросанных по всей России, потерявших своих мужей на фронте.

Как-то вечером зашёл к ней в гости только что вернувшийся фронтовик Сметанин из соседнего села. Оказывается, он в одной части с Харлампием был, тот прибыл в часть с по-

полнением в конце апреля, когда их часть вела штурмовые бои на окраине Берлина. Как водится в таких случаях, сразу стали искать земляков в пополнении, и встретился Сметанин с Харлампием, оказывается, он его ещё до войны знал, как председателя колхоза. Назавтра же и в бой пошли, наши командиры сильно торопились, всем хотелось войну побыстрее закончить. Шли рядом, точнее сказать не шли, а бежали, держа наперевес автоматы и стреляя короткими очередями. Иногда падали и прятались за обломки зданий, кучи кирпича и арматуры. Они стреляли и в них стреляли, немцы не жалея ни себя, ни противника, отчаянно цеплялись за каждый дом, за каждое укрытие. Сметанин и не заметил, как отстал его земляк, а после боя отпросился у командира взвода и пошёл его искать. Ему сказали в похоронной команде, что в братской могиле уже его земляк, пулевое ранение в грудь было смертельным, вот так и закончил войну Харлампий тридцатого апреля 1945 года. Из семи человек, ушедших на фронт из Сушняков, вернулось только трое.

И не стало больше спокойной жизни у Феврусьи – работа, слёзы, моления. Молилась она всю жизнь, с самого детства – Харлампий не запрещал, посторонние не знали. А здесь ещё письма от старшей сестры Агафьи – «Бог наказывает нас за наши грехи, себя и детей своих пожалей, бегите от безбожников, бегите из колхоза, души спасайте». Вот и собрала она, что осталось от хозяйства, погрузила всё вместе с мороженой картошкой и в путь-дорогу, в такую дальнюю и труд-

нодоступную Подбель.

К избушке подошли уже, когда совсем стемнело. Ирка так занеможила, что практически не могла сама идти, её посадили поверх вещей, рядом с Машкой, так и довели на нарте до самой избушки. Здесь тоже не надо было никого подгонять, каждый знал своё дело, сидеть было некогда. Ванька с Юркой достали из нарты большую двуручную поперечную пилу, свалили не очень толстую сушину, и, глубоко вязнув в снегу, отпилили с десятков чураков. Феврусья затопила печку, поставила вариться картошку, натолкала полный котелок снега и поставила рядом с картошкой, знала, что после такой тяжёлой дороги, вечером все будут много пить. Евдокия возилась с малышами – как только растопилась печка, она всех стала раздевать и развешивать одежду на просушку возле печки. Ирка всё хныкала, жалуясь на свои больные ножки, вторя ей, расплакался и Сашка. Иван протиснулся в избушку, поставил в угол пилу и огляделся. Он был старшим мужчиной в этом большом семействе и чувствовал, что и ответственности на него возлагается больше, чем на остальных.

– Ну, что расхныкались, добрались до зимовья и хорошо, радоваться надо, что в тепле ночевать будем, завтра ещё один переход и в Суханово будем, у дядьки Василия отдохнём не много.

Мать поделилась тревогой.

– Не знаю, как ноги у Ирки отойдут от такой нагрузки. Не дай Бог, не сможет дальше идти, мы её не увезём, итак

идём на пределе.

– Ничё, за ночь отоспится, побежит завтра, ветерок вот только дует, лыжницу бы не замело, нето совсем худо будет тащиться.

– Ваня, вы ещё наломайте лапнику елового побольше, на нары маленьких положим, нам же спать на полу, а он сильно холодный, не простыть бы.

Утро выдалось спокойным и тихим. Ванька стоял возле избушки и смотрел на медленно падающие и крутящиеся в воздухе по немыслимой траектории, крупные хлопья снега. Ветер кажется притих, но высоко наверху ветки деревьев всё-таки раскачивались. Хорошо было слышно, как в пойме ручья призывно пересвистывались длинными трелями рябчики. Из двери избушки показался уже одетый по-походному Юрка.

– Ты чё на лес уставился?

– Слышь, как рябчики насвистывают, эх, было бы ружьё, счас бы побежал и каждому по рябчику бы убил.

– Вот бы наелись, а, я бы ни одной косточки не оставил, всё бы съел.

– А если бы сохача убить, следы которых мы вчера видали, ведь это же целая куча мяса.

– Ага, а как бы мы его утащили, две маленькие нарточки, и те полные?

Ванька долго смотрел на своего брата.

– А мы бы его никуда и не увозили, избушка есть, дрова

тоже, вот и жили бы здесь, варили бы мясо и ели, варили и ели, пока бы всё не съели, вот бы наелись, наверное на целый год.

Вскоре из-за двери послышался голос матери.

– Ребятишки идите, чай пить пора.

Мать вытащила из тряпок икону, установила её на столе, потом всей семьёй, выстроившись в ряд, дружно помолились и попросили благословения на дальнейшую дорогу. Феврусья сварила в котелке ячменевую кашу, её и хватило-то по две ложки, но всё-таки это была еда перед дальней дорогой, на одной мороженой картошке далеко не уйдёшь. У Ирки за ночь ноги разболелись ещё больше, опухли в стопах, и она едва-едва передвигалась по избушке. Когда пили чай, мать внимательно посмотрела на дочь и спросила.

– Ира, ты не побоишься здесь, в избушке одна остаться?

– А кто меня отсюда заберёт?

– Завтра придёт дядька Василий и привезёт тебя к нам, в Суханово на санках.

– И мне не надо будет сегодня идти по дороге?

– Не надо.

– Ур-ра, мне сегодня идти не надо будет.

Ванька не выдержал.

– Мам, ты чего?

– Она идти совсем не может, посмотри, как у неё ноги распухли, а довести её у нас сил не хватит, снега много за ночь выпало, дай Бог, чтобы хоть без неё дотащить к ночи. Ва-

сила попросу, он налегке завтра нам её привезёт. Дров ей оставим, воды тоже, несколько картошек сварю.

Все внимательно уставились на Ирку.

– Я не могу идти, правда, я лучше здесь останусь, я весь день лежать буду.

И снова дорога. Ветер днём усилился и бил колючими снежинками в открытые лица. Нарты уже не скрипели, они тихо катились, загребая передом слои нападавшего за ночь снега, первым нартам было тяжелее, вторые катились уже по протоптанному следу. Феврусья читала молитвы про себя, они успокаивали и давали надежду на лучшее. Сзади сопел и кашлял Сашка, хоть мать и перевязывала его своим стареньким тёплым платком поверх одежды, да видать не уберегла в дороге малого, простудила. Господь даст, так доберёмся сегодня до Василия, там отдохнём с дороги, в бане напаримся и Ирку с Сашкой подлечим. Она и сама не ожидала, что дорога такой тяжёлой окажется, ведь ходят всю зиму люди по ней и ничего, никто тут не замёрз, все дошли до места. Это видать за грехи наши нас Господь наказывает, а может не наказывает, а испытания нам посылает, стойкость нашей веры проверяет, ничего, мы выдержим, мы всё выдержим, с какими бы трудностями не столкнулись. От обиды на судьбу и за то, что пришлось пережить её детям, у неё по щекам снова покатались крупные слезинки, ну почему он от нас пошёл на эту проклятую войну, ведь наши уже в Германии были, война заканчивалась, ну зачем он пошёл, она никак

не могла этого понять своим простым женским умом. Такая большая семья осталась, хватит ли у неё сил всех поднять, одна надежда на Господа и она снова стала читать про себя молитвы, с ещё большим усердием.

Потом её мысли плавно улетели к своим старшим дочерям – Фене и Зинаиде, живущим уже самостоятельно. Сильно им досталось во время войны, да не им одним, все самые тяжёлые работы легли на бабаские хрупкие плечи, в колхозе всего трое мужиков оставалось, хромых да старых и мужиками-то их уже не назовёшь. Потом уже, в конце войны, Феню поставили заготовителем от районного центра Тегульдэт, ходила по деревням и принимала кожу, у охотников пушнину, тут же и рассчитывала всех. А Зину каждую зиму направляли от колхоза вместе с лошастью на заготовку леса. Её ещё в шестнадцать лет сватали двое парней, да не пошла она за них, видать не приглянулись. Сейчас она в деревне уважаемый человек – работает счетоводом в колхозе, всё-таки четыре класса образования пригодились, только колхоз уж сильно бедный, люди начали разбегаться, кто в Жарки, кто в Кусташки. А тут ещё у Фени беда случилась, сразу после войны уже, пока она ездила по деревням, с её склада, что рядом с домом стоял, исчезло семьсот килограмм ржи, десять кулей. Вся деревня была голодная, семьями вымирали, ну и залез кто-то по-тихому, снизу половицы выдавили и залезли. Как только заявила Феня о пропаже, её сразу же арестовали, трое суток держали под арестом, каждый день её

допрашивал следователь, пистолетом в лицо тыкал и всё допытывался, куда мешки с рожью подевала. Дело в том, что в то время по тайге пять мужиков бегало – дезертиров, и их никак не могли поймать, вот и искали, кто из местного населения их подкармливает. Феня на допросах сначала плакала и молчала, потом же не выдержала и накричала на следователя, что мол, она сейчас беременная и муж у неё только что пришёл с фронта старшиной, с орденами и медалями и он ещё отомстит за неё. Через три дня её выпустили, только до сих пор всё таскают и спрашивают про зерно, хотя и дезертиров тех поймали уже и расстреляли давно. И чем теперь дело закончится, одному Господу известно, надо почаще Феню в молитвах поминать.

К Суханово подошли поздно, когда совсем стемнело, из редких окон виднелся слабый свет керосиновых ламп. Да, пообнищали люди, керосину нет, лая собак не слышно, перевелись видать и собаки в деревнях, зато дым поднимался над печными трубами в каждом доме, к вечеру подмораживало и все хозяева на ночь протапливали в домах печи.

Встречать их вышел Василий, родной брат Харлампия, младший, он сначала расцеловал всех ребятишек и Феврусью, потом споро начал разгружать нарты и заносить весь скарб в ограду. Ребятишки устало свалились на ступеньки крыльца, молча за ним наблюдая, Юрка тихо произнёс.

– Неужели мы дошли.

Мать обеспокоенно посмотрела на Василия.

– Все ребяташки сильно устали, Сашку кашель забивает, нам бы горячую баню.

– Да в бане тепло, мы её сегодня топили, сейчас только дровишек подброшу, воды наношу, и можете мыться.

– И ещё, мы Ирку оставили в охотничьей избушке, обезножила она, не смогла идти с нами, тебе придётся за ней сходить.

– Как же так-то у вас получилось, как же вы её там одну оставили, да она изревётся там вся. Конечно схожу, налегке-то что, иди да иди, утром пораньше встану, вон как подмораживает на улице, на санках и привезу.

Через два дня вся Феврусына семья, чистая и отдохнувшая, сидела вместе с домочадцами, своими двоюродными братьями и сёстрами. Дальнейшая дорога их сильно не пугала, они знали, что большую часть пути уже прошли, хозяин же дома, Василий Савельевич был сильно встревожен.

– Как же ты Феврусья решила на такую дальнюю, опасную дорогу, да ещё с маленькими детьми, ведь не дойдёте же вы?

– Мне их и там не прокормить было, на одной мёрзлой картошке жили, когда Харламий живой был, хоть маленько полегче было.

– Вечная память ему, трое нас из семьи уходило на фронт, а вернулся я один. Отец остался лежать в украинской земле и вот Харламий в Германии. Пойми Феврусья, самое трудное время мы прожили, когда всё отдавали фронту. Сейчас

с каждым годом будет всё легче и легче, сейчас все силы ки-нем, чтобы быстрее хозяйство в стране поднять, все колхозы оживут. А ты уходишь куда-то в тайгу, жить там вам негде, работать тоже.

– Зато там истинные христиане живут, крепкой веры они держатся, возле них и мы будем в постах да молитвах свои души спасать, а то же ведь все погрязли в грехах, вот Господь и наказывает нас.

В разговор встрял Ванька, он чувствовал себя уже доста-точно взрослым и старался тоже высказать своё мнение.

– Там говорят Енисей рядом и тайга рядом, будем рыба-чить и охотится.

– Значит, в Красноярский край собрались?

– А там что, уже Красноярский край?

– Да, вы идёте на Енисей, значит, в Красноярском крае жить теперь будете.

– Дядька Василий, дай нам с собой ружьё, буду рябчиков и уток стрелять, может даже сохача завалю, вот мяса-то бу-дет, все тогда наедемся.

– Ну, ружьё рано тебе ещё давать, стрелять-то умеешь, знаю, только вот не сбережёшь ты его, подрасти маленько, а инструмент столярный тебе с собой дам – ножовку, топор, рубанок, стамеску, киянку – он хорошо тебя подкармливать будет, владеть им умеешь, видать в меня пошёл. До Подбе-ля через Луговатку ещё около ста километров, не дойти вам с детьми малыми. Сашку надо травами отпаивать, да в ба-

не прогревать, Ирке – время, чтобы силы в ноги вернулись, оставляй-ка их Феврусья у меня до весны. Сама пойдёшь с мальчишками дальше, они покрепче девчонок, дойдут, одну нарту возьмёте, а ребяташек я по воде привезу. Вам же ведь там надо дом ставить.

– Ничего, мы пока у Агафьи поживём, она поможет.

– Хоть и сестра она тебе, а себе на уме баба, своей жизнью живёт, не очень-то кому помогает, знаю. Феврусья подумай, может вернётесь, в чужую деревню идёте, к чужим людям, жить негде, работать негде, у тебя же шестеро детей, как жить и что есть будете? А если в дороге что случится, до станка сил не хватит дойти, или нарточка в пути сломается, тогда что?

– На всё воля Божья.

2. На Подбеле

Посёлок Подбель оказался небольшой, убогой деревушкой из полутора десятков почерневших от дождей и ветров домишек, покрытых дранью, кто и по каким признакам её здесь обосновал, никто и не помнил, староверы частенько обживались на новых местах, подальше от любопытных людских глаз и найденных тропинок. Деревня каким-то чудом прилепилась к берегу небольшой одноимённой речушки Подбель и со всех сторон была зажата лесным сосновым массивом, с вековыми прогонистыми деревьями. Около каждого дома были построены ограда с наглухо запирающимися воротами, стайка, баня, только в стайках ни кого не было, война всё подобрала. В каждом доме обязательно был красный угол и в нём обустроена божница, это такая красиво отделанная полочка, на которой стояли иконы. Божница во всех домах размещалась в юго-восточном углу дома, под божницей, на столе лежали старинные религиозные книги и лестовки – главный атрибут при чтении молитв. Лестовка представляет собой сплетённую из подручного материала ленту, знаменует она при этом одновременно и лестницу духовного восхождения от земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной молитвы. У каждой семьи была своя посуда, к которой они относились очень бережно, не позволяя есть из неё «мирским людям». Периодически из Ворогово

сюда приходили представители властей и собирали налоги, а чем платить в военные годы, когда больше ничего в хозяйстве нет, вот и забрали всех коров и лошадей, какие были. Зато собаки в этой деревне были, без них в таёжной деревне никак нельзя. Они помогут найти охотникам на деревьях пушного зверька, облают глухаря так, что к нему на верный выстрел подойти можно будет, да и крупного зверя не добудешь без собаки, вот и делились люди последним со своими верными и преданными четвероногими друзьями. От деревни до Ворогово шла едва заметная тропинка, туда деревенские практически не ходили, с безбожниками водиться, грехи потом не отмолишь, с весны ещё съездит на лодке туда Ермил и привезёт на всю деревню продуктов, которых в огороде не вырастишь и в тайге не добудешь. Власти из Ворогово приходили чаще, то налог собирать, то пушнину да кожу принимать, то про выборы рассказывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.